

— АКАДЕМИЯ —
УЖАСА

ANDY MARINO

**IT RIDES
A PALE HORSE**

ЭНДИ МАРИНО

НА КОНЕ
БЛЕДНОМ

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М26

Andy Marino
IT RIDES A PALE HORSE

Copyright © 2022 by Andy Marino
Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов,
Donald Maass Literary Agency (USA) (США) при участии Игоря Корженевского
и Агентства Александра Корженевского

Перевод с английского *К. Янковской*
Дизайн *Е. Куликовой*

Марино, Энди.

М26 На коне бледном / Энди Марино ; [перевод с английского
К. Янковской]. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с. — (Акаде-
мия ужаса. Мастера зарубежного хоррора).

ISBN 978-5-04-216069-1

Питер Ларкин, для друзей просто Ларк, — известный скульптор, вернувшийся в родной городок Уофффорд-Фоллс после триумфа в большом мире. Его сестра Бетси — художница, возможно, превосходящая брата талантом, — замкнутая и эксцентричная, живет уединенно и редко с кем общается. Но однажды все меняется: Бетси похищена, а Ларк получает старинную рукопись и ультиматум: «Выполни все, что здесь написано, и твоя сестра будет свободна».

На первый взгляд — все просто. Но чем дальше Питер погружается в текст, оказывающийся руководством по созданию некой скульптуры, и работу над ней, тем более пугающим и нереальным становится происходящее. Его друзья меняются, а город начинает трансформироваться прямо на глазах вместе с его обитателями. Ларк оказывается перед выбором: остановить надвигающийся кошмар или закончить начатое и спасти сестру.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© **К. Янковская**, перевод
на русский язык, 2026
© **Издание на русском языке,**
оформление. **ООО «Издательство**
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-216069-1

Часть первая
ПСАЛТИРЬ

1

Питер Ларкин идет по вытоптанной на снегу траншее. За спиной, на мерзкой слякоти тротуара, остается дорожка отпечатанных следов. «Считаем от солнцестояния, — думает он, — добавим двенадцать недель — и получим сегодняшнюю дату». Зима еще не ушла с северо-запада страны. По улице проезжает на велосипеде укутанный в теплую одежду ребенок: в покрышках колес поблескивает каменная соль. Следом за ним пробегает женщина — на каждой руке такое количество перчаток, что по размеру они достигли боксерских.

— Доброе утро, Ларк, — окликает она его.

— Именно такое, Джейми-Линн, — откликается Ларк.

Она, вальсируя по насыпи разворошенного снега на обочине, высоко вскидывает колени.

— Видел сегодня Мародера?

— Только что отнес ему половину наготовленного Робертой завтрака.

— Субботние деликатесы.

— Он ел с большим удовольствием. И теперь тоже кладет в кофе четыре кусочка сахара.

Нога Джейми-Линн тонет в сугробе до середины икры, и женщина изящно перепрыгивает на тротуар.

— Стремится заполнить еще один сердечный приступ.

— И разве после этого можно говорить, что он не амбициозен?

— Может, я его еще увижу.

И она спешит за угол: пары от дыхания тянутся за нею по пятам, а сама она исчезает на Маркет-стрит, направляясь к отделению «Скорой помощи» Уофффорд-Фоллс: три гаража, столы для пикника, гриль. И, конечно, светодиодная табличка, напоминающая о необходимости сделать прививку от гриппа.

— Джейми-Линн перешла на утренний ритм жизни? — доносится голос от двери магазина «Пряжа и чай Клементины».

Ларк оборачивается и видит скрытую в тени наличников огромную неуклюжую фигуру. В полосах света мелькают забитые татуировками предплечья. Вокруг клубится и стелется ароматный дым, и Ларк принохивается:

— Манго?

— Кокос.

Мужчина выходит из тени. Крепкий, с тщательно подстриженной бородой. У ног вьется полосатая кошка, и при взгляде на нее невольно вспоминается растекающееся пятно арахисового масла.

— Клементина, — говорит Ларк кошке, — ты мелкая проныра. — Подняв глаза, он встречается взглядом с мужчиной — тот на полфута его выше. — Когда ты успел перейти на вейп, Йен?

— Прошлой ночью. Меня просто совесть замучила. — Он кивает в сторону витрины магазина по соседству — там виднеется вывеска магазина вейпов — и по-

нижает голос до заговорщического шепота: — Стоит мне закурить сигарету, и чувак оттуда смотрит на меня такими несчастными глазами, что у меня всякое удовольствие пропадает.

Йен лезет в карман рваных черных джинсов и достает мятую пачку «Кэмел».

— Все, что у меня осталось, я завещаю в пользу никотиновой абстиненции Питера Ларкина.

Ларк берет сигареты.

— Я в долгу не останусь. Насколько я слышал, по утрам, когда Терри забирает девочек, Джейми-Линн работает.

Йен изящно затягивается из вейпа размером с казу¹. Не глядя приоткрывает дверь за спиной, и Клементина тут же врывается внутрь дома.

— Что ты там тащишь?

Ларк вытаскивает из-под мышки предмет размером с противень и помахивает им перед носом Йена, позволяя его рассмотреть.

— Оловянное. Для чего его использовали — неизвестно.

Йен чуть подается вперед.

— По форме напоминает морского дьявола.

Ларк прячет сигареты в карман своего старого пуховика марки Canada Goose.

— Возможно, это когда-то было частью потолка в аптеке. — Он снова зажимает обрезок жести под мышкой. — Мир тебе, брат.

Кокосовый дым клубится над карнизом.

¹ Казу — американский народный музыкальный инструмент, представляющий собой небольшой цилиндр из металла, пластмассы или дерева, который сужается к концу и имеет металлическую пробку с мембраной из папиросной бумаги, вставленной в середине цилиндра.

— И тебе.

Ларк идет дальше по тротуару мимо пустой витрины магазина — за последние полгода здесь несколько раз открывалось и закрывалось заведение, торгующее пончиками. У автоматов из «Золотого абажура» утверждали, что оно использовалось для прикрытия делишек мафии, но, если бы Ларку захотелось бросить свои два цента в копилку болтовни навечно застывших навсегда у игровых автоматов, он бы сказал, что там просто были очень дерьмовые пончики. И все же, несмотря на это, на витрине по-прежнему написано «Лучшие пончики Фредди Би» — в стиле газетного заголовка XIX века. В глубине помещения, в темноте, виднеется расположившаяся на верстаке циркулярная пила. Ларк замораживает, чтоб поймать и сохранить в памяти застывшее в окне отражение: затянутую вечными серыми туманами зубастую ЭКГ Катскильских гор венчает нарисованный на окне пончик, посыпанный маком.

В пустом магазине мерцают лампы. Из глубины слышится приглушенная мольба: «Да когда ж ты, на хер, включишься?!» Словно в ответ на нее свет загорается и уже больше не гаснет. Долговязый мужчина, похожий на скульптуру Джакометти*¹ — даже руки кажутся прутиками, — отворачивается от выключателя на стене. Ларк ждет. Мужчина притворяется, что не замечает его, подходит к окну, прижимается лбом к стеклу. Ларк стучит костяшками пальцев по букве «Б», но мужчина даже не шевелится. Ларк вытаскивает пачку «Кэмел» из кармана и прикладывает ее к самому центру нарисованного пончика.

Изможденное лицо отодвигается от стекла. Мгновение спустя дверь магазина, где некогда торговали пон-

¹ * Здесь и далее о художниках, отмеченных звездочкой, можно прочесть в Приложении (см. страницу 489)

чиками, со звоном открывается, и изнутри выходит, обхватив себя за плечи, дрожащий от холода мужчина. Из одежды на нем лишь джинсы да майка с логотипом группы Danzig.

— Крупп, ты попросту жалок, — говорит Ларк, — надень пальто.

Крупп выхватывает «Кэмел» из протянутой руки Ларка.

— Гнусный потворщик! — Он разглядывает пачку. — И чем я заслужил это райское наслаждение в виде... — он прищуривается и осторожно заглядывает внутрь пачки, — шести целых и одной сломанной сигарет?

— Они были любезно предоставлены Йеном Дж. Фридрихом.

— Он снова бросил?

— Переключился на вейп.

— Еще один стал жертвой пара! — Крупп втягивает воздух сквозь зубы, сильнее обхватывает себя за плечи и, покачиваясь, переступает с носков на пятку: — Сегодня дико холодно.

— Завтра будет еще холоднее. А вейп помогает бросить курить.

— И это говорит человек, который только что поделился со мной *бесплатным* куревом!

— Зато теперь ты официально единственный известный мне придурок, по-прежнему курящий настоящие сигареты. Серьезно, бросай курить. Это вредно для здоровья. Проведена куча исследований.

Крупп подносит пачку ко рту и выдыхает облачко пара. Затем, нахмурившись и уставившись вдаль, на виднеющиеся впереди горы, принимается хлопать по карманам забрызганных краской джинсов, полностью погружившись в свои мысли.

Пока Уэйн Крупп все пытается определить последнее местонахождение зажигалки, взгляд Ларка скользит к вывеске расположенного рядом магазина «Крупп и сыновья: Электроника». Единственным представителем этих самых «и сыновей» как раз и является старинный друг Ларка — Уэйн.

— Как продвигается расширение компании? — спрашивает Ларк.

Так и не зажженная сигарета прыгает на губах. Крупп морщится, словно там, в горах, он только что наткнулся на важную подсказку. Как будто отсюда, с Мейн-стрит Уофффорд-Фоллса, можно выяснить что-то о происходящем в долине. Кусок оловянной пластины выскальзывает у Ларка из-под мышки, тот успевает подхватить его локтем и поднять.

Крупп наконец размыкает губы, сигарета вываливается у него изо рта и приземляется на заблаговременно подставленную ладонь.

— Сегодня должен был все это сносить, но у меня просто нет на это сил. — Крупп поворачивается и кивает в глубь помещения: у выложенной плиткой задней стены, рядом с глубокой раковиной, стоит прислоненная кувалда.

— Я должен сегодня кое-что доставить, — Ларк кладет руку на обнаженное плечо Круппа, — но, если ты подождешь до завтра, я готов зайти к тебе и обменять привилегию разрушить эту стену к чертям собачьим на десяток вкуснейших палочек моцареллы Роберты.

Крупп качает головой:

— Меня беспокоит не то, что надо работать, а кое-что другое. Здесь застыло наше прошлое. Знаешь, что я нашел за прилавком? — Он подходит ближе к окну, стучит по стеклу. Ларк убирает руку. — Одну из тех

банок, в которых раньше продавали лакричные конфеты Red Vine.

— Они ведь продавались в магазине конфет?

— Раньше, после школы, мы каждый день тратили на них кучу десятицентовиков. Когда ты в последний раз ел Red Vine?

— Тогда еще Клинтон был президентом. А ты носил эту же майку.

Крупп направляется к двери:

— Зайди и понюхай банку.

Ларк неопределенно машет рукой в сторону своего дома:

— Мне нужно идти.

— Я просто сидел на полу, держал эту банку на коленях и рыдал, Ларк. У меня просто текли слезы. Ты можешь в это поверить? Сперва здесь торговали конфетами, потом открыли мастерскую по ремонту обуви, затем — шляпный магазин, после «Фредди Би». А банка все так там и стояла. Хочешь, я тебе ее отдам? Мы могли бы договориться: неделю она будет у тебя, неделю — у меня. — Крупп выжидающе смотрит на него.

— Хорошая идея. — Ларк изучающе разглядывает лицо Круппа: от ввалившихся глаз приятеля расходятся гусиные лапки морщинок. — Слушай, давай увидимся чуть позже, в «Золотом абажуре».

Крупп кивает на жестянку под мышкой у Ларка:

— Ты у Мародера, что ли, был?

— Купил ему штук пять завтраков.

— Субботние блюда. Мне кажется, Джейми-Линн теперь по утрам работает.

— Я тоже ее видел.

Крупп снова подносит незажженную сигарету к губам.

— Увидимся в «Абажуре».

Колокольчик над дверью звенит, и дверь захлопывается за спиной Круппа.

Ларк сворачивает за угол и направляется по Маркет-стрит на юг, оставив за спиной отделение «Скорой помощи». Из тротуара торчат корни старого почтенного вяза. Торговая улица постепенно сужается, заканчиваясь ветхим зданием с заколоченными окнами. Лишь одно открыто — и рядом с ним тибетский флаг. За этим захваченным бомжами домом виднеется припорошенная снегом низкая кладбищенская стена. Стоящая за нею женщина наклоняется, ставя к побитому непогодой надгробью венки.

— Сегодня ему исполнилось бы восемьдесят семь, — восклицает она.

Ларк делает вид, что собирается снять шляпу:

— С днем рождения, Гарри.

За покрытыми ржавчиной, вечно приоткрытыми воротами вьется тропинка, усаженная по обе стороны вечнозелеными растениями. Постепенно она превращается в посыпанную гравием дорожку. Здесь царит какая-то особенная тишина. Земля под гравием размокла, и ботинки Ларка хлюпают по грязи.

Впереди вырисовывается темный силуэт нависающей над тропинкой, склонившейся над путешественником как гриф-падальщик, статуи, создающей половину хромированной арки, внезапно выводящей к расчищенному в лесу ровному участку площадью с пол-акра. В центре ее расположен скромный дом, а весь двор кажется заросшим травой рвом.

Ларк несет свою находку через весь двор, мимо еще одной диковинной статуи, представляющей собой десятифунтовое соитие проволоки и дерева: оплетенной, оплывшей, пробитой острыми шипами, прошитой ими.

Он подходит к скрытой в маленькой хижине наковальне, кладет оловянную пластину на чугунную поверхность. «Пришло время спасти утиль, — решает он. — Спаси то, что было выброшено, потом починено, а затем выброшено снова». Когда-то эта пластина была вырезана со странной, диковинной точностью — она действительно напоминает морского дьявола, — но сейчас его назначение неизвестно. Он выбирает на полке инструмент, которым можно обработать этот кусок металла, — кувалда больше похожа на акулу, чем на молоток, но она прекрасно подходит для того, чтоб лучше отбить оловянную штуковину, — и принимается наносить удар за ударом. Наковальня звенит, поглощая энергию, направляя ее в металл.

И вот жестянка утратила всякую похожесть на морского дьявола. Ларк направляется к студии, расположенной на заднем дворе. До этого он работал с материалом. Дальше его ждет объединение. А между этими двумя пунктами ему нужно будет очистить разум, избавиться от всех ассоциаций — и тогда кусок металла станет тем, чем и должен быть: станет частью целого, которому еще только предстоит превратиться во что бы то ни было.

Он подносит пластину к самому краю выпуклой пластиковой амебы, состоящей из наполовину расплавленных колпаков с колес. Раздумывает.

В глубине студии расположена настежь распахнутая гаражная дверь, и из-за нее льются низкие, нестройные ноты классической музыки. Шостакович.

Ларк вспоминает о легендарном русском композиторе: во время блокады Ленинграда, в 1943 году, тот был вынужден есть вареные кожаные ботинки. У ворот города стояли немцы, жители разделявали на мясо павших лошадей, а гений в пальто, надетом поверх трех